

лом радуг за плечами. / В той глуши оранжевые сосны / В мягких лапах солнышко качают» («**Край мой...**», 1965). В 19-летнем возрасте М. написала поэму «**Черный тополь**» (1966), посвященную своим корням, деду и отцу. Овеянные грустью расставания, картины деревенского лада, небогатого счастья, света сменяются образами «пустого поля, непаханного жнивья». Поэма о прощании с «неперспективными», обреченными на снос деревнями оказалась издателям неактуальной для эпохи НТР и полностью была опубликована только в 2002.

В последующих книгах, «**Сто дней весны**» (1975), «**Ожидание встречи**» (1978) — поэтесса пристально вглядывается в человеческое сердце, голос ее звучит тепло и душевно. Личный опыт и народные понятия о жизни сплавлены в единстве совр. и фольклорных мотивов. В поэзии М. «богатство голосовых модуляций, оттенков выражаемых чувств: веселая бесшабашность ярмарки и тихие элегические ноты, ироничная, лукавая версия той же поэтической темы, торжественная приподнятость — и снова тихое, просветленное... И это интонационное, негромкое родство с народной песней и речью куда громче декларативных признаний в любви к родной земле» (Пикач А. Счастливое эхо // Аврора. 1976. № 4. С. 67). В 1970-е на слова М. были созданы песни «**Гори ясно**», «**Лель**», вокальный цикл «**Берегите тепло**».

Чистота и энергичность чувств, память о доме, всепроникающее ощущение Родины наполняло четвертую книгу М. «**Белый берег**» (1986). Природа выступает в ней не как фон или пейзаж, но как «действующее лицо, участница и свидетельница жизни лирической героини» (Николаева Д. [Рец.] // Лит. обозрение. 1987. № 4. С. 81).

Исторические перемены, произошедшие в России в конце XX столетия, дали импульс к историко-философскому и религиозному осмыслению судеб Родины. В книгу «**Забывшие песни**» (2002) наряду с стихами прежних лет вошли произведения последнего 10-летия, в которых лирическая просветленность сменяется интонациями плача, причитания, тихой скорби: «Эти северные лица — / Уходящее тепло... / На Руси легко молиться, / Только выжить тяжело» («**В белой церкви отпевали...**»). Наступает «время молчать и ценить дорогие слова». Картины Руси обнищавшей и разоренной, исполненной горя и страдания открываются в стих. «**Эта церковь бедна и далече...**», «**Черная осень**». В то же время Русь в поэтическом мире М.— такое духовное пространство, где

совмещаются ад и рай, безудерж бесовских сил — и веянье Божьей благодати («**Две жизни у Господа я прожила...**»).

1990-е осмыслены М. как повторение на родом ошибок начала века: та же податливость на соблазны «прав и свобод», которые рано или поздно так же обернутся кровью и тюрьмами. «Чего же ты ждешь на пустующем поле — / Ничей, ниоткуда, с бумажкой советской...», — с горечью и недоумением обращается поэт к современнику, забывшему уроки истории («**Хрипели, кричали...**» // Скобари: Сб. произведений псковских писателей. Псков, 1995. С. 238–239).

В 1990-х М. занимается изучением древнейшей истории русского народа, датировкой возникновения росссов, расшифровкой надписи на древнем Перуджанском камне, при этом язык рассматривается как «ключ к тайнам нашей веры и нашей глубочайшей истории». М. задается вопросом, откуда явился русский народ, «что значит он для мира? В чем таится его могущество? Откуда истоки его величия, его жертвенности, его нестяжательности?» (Личутин В.— С. 212). Результаты этих исследований опубликованы в книге «**Единородное слово**» (Псков, 2000).

Соч.: Подснежники. Л., 1967; Сто дней весны. Л., 1975; Ожидание встречи. Л., 1978; Белый берег. Л., 1986; Жестокая дорога — поэзия: Памяти Игоря Григорьева // Псковская правда. 1996. 24 февр. № 38; Слово об ариях: Памятник русской письменности X–XI вв. до Р. Х. // Речь. Псков, 1996. Сб. 1; Единородное слово. Псков, 2000; Забытые песни. Псков, 2002.

Лит.: Хренков Дм. [Рец.: «Подснежник»] // День поэзии 68. Л., 1968. С. 102–104; Эвентов И. В начале семидесятых. Л., 1973; Сергеева И. [Рец.: «Сто дней весны»] // Звезда. 1976. № 5. С. 218; Дашко В. Учимся дома работать, жить // Крестьянка. 1983. № 3; Александрин И. Мы жили в Палестине, или Три сенсации, которые стараются замолчать // Экономическая газ. 1998. 15 апр.; Личутин В. Лавровый венец России // День литературы. 2000. Июнь. № 11–12; То же в кн.: Молева С. Единородное слово. Псков, 2000; Кречетов В. Большое яблоко России // Кречетов В. Яйцо Леды. СПб., 2003. С. 34–40; Псковская энциклопедия. Псков, 2003. С. 425.

А. М. Любомудров

МОРАВСКАЯ Мария Людвиговна [31.12.1889(12.1.1890), Варшава — 26.6.1947, Майами, США] — поэтесса.

Биографические сведения о М. почти не сохранились. Первые стихи М. появились в Петербурге в начале 1910-х (ж. «Гиперборей», «Заветы»). А. Ахматова, с чьими стихами нередко сравнивали поэзию М., призна-

М. Л. Моравская

вала ее «товарищем по цеху» и с добрым чувством дарила ей свои первые книги. Так же уважительно к творчеству М. относились М. Волошин, В. Ходасевич, И. Северянин, Саша Черный и мн. др. современники.

В стихах М. привлекала самостоятельность в выборе тем и в их исполнении. Весьма распространенная среди поэтов начала XX в. тоска по экзотике у М. была связана с запахом бананов в петербургских лавках, с плакатами паровозных компаний, картинками на чайных упаковках и почтовыми марками Судана. Поэтесса мечтала о солнце и ветре, о дальних странствиях, переживала «жизненную несправедливость» обыденного существования. Для выражения этих чувств она находила свободный стих с неровными рифмами, немудреные фразы с вкраплением экзотических слов. Действительность в стихах М. присутствовала лишь как декорация, как второстепенные подробности. Для М. движения собственной души были важнее самых великих событий, она отражала в стихах не то, что видела, а то, что ей подсказывало биение собственного сердца.

И. Эренбург, одним из первых обративший внимание на поэзию М., писал в статье «Новые поэтессы» (1913): «Моравская своими первыми стихами волнует нас как настоящий поэт, и мы ждем ее верных достижений».

К одной из первых книг М. «**На пристани**» (1914) В. Брюсов по просьбе Р. Иванова-Разумника написал предисл., оставшееся, впрочем, не опубликованным. М. его не приняла, ответив Брюсову подробной мотиви-

ровкой. «Очень благодарю Вас за то,— писала она Брюсову,— что Вы написали о моих стихах, но в самом существенном я, к моему большому огорчению, не могу с Вами согласиться. Жизненная конкретность — это я страстнее всего люблю. Стремлюсь уйти не от действительности вообще, а лишь от окружающей меня вялой и блеклой действительности. Книги для меня только паллиатив иной, более насыщенной жизни. „Выдумывать“ себе душу я считаю для поэта преступным. „События“ ставлю, разумеется, выше моих мимолетных чувствований. Таким образом, Ваше мнение, что я — поэт узколичный, с моей точки зрения — обвинительный приговор для книжки, а потому мне с крайним сожалением приходится отказаться от Вашего в общем чрезвычайно ценного для меня предисловия» (цит. по: Богомолов Н. // Брюсов В. Среди стихов. М., 1990. С. 698). Тем не менее после выхода книги Брюсов в статье «Год русской поэзии» довольно высоко оценил книгу М.: «Подобно г-же Ахматовой г-жа Моравская — поэт резко субъективный, поэт не внешнего мира, а своей души... Сборник стихотворений г-жи Моравской — как бы интимный дневник, в котором отдельные поэмы и отдельные строки часто не имеют художественного значения, но необходимы, как части целого». В том же 1914 вышли и стихи для детей «**Апельсиновые корки**» (самая известная книга М.), и сб. «**Стихи о войне**». Поэтические книги М. выходили и в 1915, и в 1916.

Стихи М. зачастую оставались образцами прозаического рассказа. Впечатление прозаичности усугубляла и сама форма стиха, его ритм обыденной разговорной речи. Но, несмотря ни на что, трудно объяснимое обаяние всегда исходило от поэтических строк М. «Стихи Моравской еще не поднялись к той грани, за которой начинается поэтическое творчество, но значение их в их человечности, в житейском содержании, в тех фактах, чувствах и настроениях, о которых они говорят читателю. Их можно причислить к категории „человеческих документов“. Эти документы не поражают яркостью событий и психологической сложностью их, они очень ограничены узкими рамками одного сюжета, их отличительная черта — однообразие,— писал критик Д. Тальников о книге М. «**Золушка думает**» (1915).— Иногда Моравская доходит до причитаний каких-то, до униженной откровенности. Этот мотив приниженности, с которой женщина смотрит в глаза мужчине, можно найти и в творчестве Анны Ахматовой» (Совр. мир. 1916. № 1. С. 95–97). Выпустив за неполные 3 года 6 оригинальных сб. сти-

хов, поэтесса умолкла. Созданное ею читалось, переиздавалось, лучшее неоднократно включалось в различные антологии наряду со стихами А. Ахматовой, В. Брюсова, А. Блока, К. Бальмонта, Н. Гумилева, О. Мандельштама, М. Цветаевой. Это были поэтические сб. «Цветы» (1915), «Сад поэтов» (1916), «Весенний салон поэтов» (1918), но ничего нового из-под пера М. читатели не получали. Последней антологией со стихами М. стал вышедший в 1920 в Симферополе сб. избранных стих. поэтов «Страницы лирики», куда составители включили 3 произведения М.

Последней книгой поэтессы стали переизданные в 1921 Русским изд-вом в Берлине ее «Апельсиновые корки».

Книга была прислана для отзыва в ж. «Новая русская книга», в котором написано о ней: «Одна из лучших книг для детей. Издана тщательно, с рисунками С. Чехонина» (Новая русская книга. 1922. № 2. С. 25). Этот же сб., правда, существенно сокращенный, был еще раз напечатан при советской власти. В 1928 его выпустил Госиздат.

М., подобно мн. писателям, оказалась в эмиграции. В 1921 в Берлине начал выходить ж. «Русская книга», одной из основных задач которого было выяснение судеб русских писателей-эмигрантов. В первом же номере ж. сообщалось: «Мария Людвиговна Моравская принимает участие в нью-йоркском „Новом русском слове“ и читает в Америке публичные лекции». А. Дроздов в те же дни писал в статье «Птица, которая бессмертна» (Русская книга. Берлин, 1921. № 2): «Ныне с отрадой отмечаю я воскресение книги здесь, за границею. Я с отрадой встречаю весть о том, что вот и Юшкевич выбрался из голодной Одессы, и Моравская объявилась где-то там, в Америке, и Чириков приехал в Константинополь в трюме какого-то транспорта». Затем о М. забыли, а сама она исчезла с поэтического горизонта.

Конец жизни М. провела в Соединенных Штатах. В 1946 она из американского г. Майами написала И. Эренбургу, которого помнила как молодого поэта, посвятившего ей в 1915 стих. «Слышишь, как воев волчиха...»: «Я, Мария Моравская, была поэтом в России, а теперь почти разучилась говорить по-русски. Пишу исключительно по-английски». К письму М. приложила свои «старые листочки»: «Пойми же, хоть жизнь стегает, / Хоть в горле ком, / Что мир шагает, шагает / Через Рубикон. / Блуждая, ища дорогу / Сквозь кровь и мрак. / Должны мы идти с ним в ногу / За шагом шаг» (РГАЛИ. Ф. 1204).

Через год М. не стало.

Соч.: Апельсиновые корки. СПб., 1914; На пристани. Пг., 1914; Стихи о войне. Пг., 1914; Золушка думает. Пг., 1915; Прекрасная Польша. Пг., 1915; Мои стихи. Ревель, 1916.

Лит.: Эренбург И. Новые поэтессы // Гелиос. Париж. 1913. № 2. С. 45–46; Брюсов В. Год русской поэзии // Русская мысль. 1914. № 5–7; Брюсов В. Среди стихов. М., 1990.

В. В. Попов

МОРИЦ Юнна Петровна (Пинхусовна) [2.6. 1937, Киев] — поэтесса.

Окончила Лит. ин-т им. А. М. Горького в 1961. Первый сб. стихов «**Разговор о счастье**» вышел в 1957, за ним последовали следующие: «**Мыс желания**» (1961), «**Лоза**» (1970), «**Суровой нитью**» (1974), «**Малиновая кошка**» (1976), «**При свете жизни**» (1977), «**Третий глаз**» (1980), «**Синий огонь**» (1985), «**На этом берегу высоко**» (1987), «**В логове голоса**» (1990), «**Букет котов**» (1997).

Основные особенности творческой личности М.— артистическая страстность, внутренний динамизм, изящная агрессивность и драматизм в восприятии и худож. преображении жизни во всех ее проявлениях,— опре-

Ю. П. Мориц